

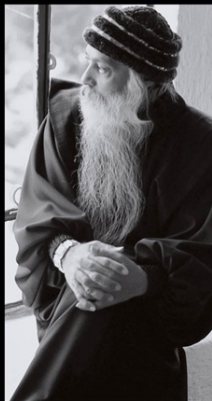

Алексей Похабов

Победитель 7-й «Битвы экстрасенсов»

АВТОБИОГРАФИЯ

духовно неправильного мистика

ОШО

**ФИЛОСОФИЯ
МАГА**

**ОШО. АВТОБИОГРАФИЯ
ФИЛОСОФИЯ МАГА**

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Алексей Похабов
Автобиография духовно
неправильного мистика.
Философия мага

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69635116

*Автобиография духовно неправильного мистика. Философия мага:
ISBN 9785944315212*

Аннотация

Автобиография духовно неправильного мистика

Даже спустя почти двадцать лет после его ухода идеи и деятельность Ошо вызывают противоречивые реакции и мнения. Уже новые поколения задаются вопросами: «Кто такой этот „духовно неправильный мистик“? Почему он воспринимается так неоднозначно? Как переживается просветление и что оно несет человеку, достигшему его?»

Эта книга составлена из цитат различных бесед Ошо, а также из отрывков его интервью журналистам и ответов на вопросы слушателей, в которых он рассказывает о своей жизни и своей работе.

Составленные в хронологическом порядке эти цитаты создают целостное повествование, наполненное ароматом живого

общения с мастером и дающее нам возможность прикоснуться – насколько это возможно через чтение книги – к необычным переживаниям необычного человека, увидеть неповторимый рисунок его жизни-вызова, жизни-пробуждения, жизни-любви. И найти ответы на вопросы – не столько об Ошо, сколько о самих себе...

Философия мага

«Философия мага» – это сборник эссе, написанных победителем седьмой «Битвы экстрасенсов», практикующим магом Алексеем Похабовым. Перед вами заметки, сделанные в разное время и по разным поводам. Лишь часть представленных здесь эссе написаны специально для этой книги. Остальные Алексей писал в тот момент, когда та или иная тема волновала, вдохновляла или, наоборот, раздражала его. Поэтому очерки передают живые эмоции, а иногда могут и удивить жесткостью суждений. Темы заметок самые разные: мечты, душевный кризис, смысл жизни, судьба, долг, культ предков, амулеты и талисманы и многое-многое другое.

Не упустите свой шанс увидеть мир таким, каким видит его маг!

Содержание

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)	5
Предисловие редактора английского издания	7
Предисловие	12
Часть первая	14
Воспоминания золотого детства	14
1931–1939. Кучвада, Мадья-Прадеш, Индия	15
Мятежный дух	52
1939–1951. Гадавара, Мадья-Прадеш, Индия	53
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо), Алексей Похабов Автобиография духовно неправильного мистика Философия мага

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо) Автобиография духовно неправильного мистика

Да, с меня начинается неизведанное.

*Но это не новая религия, а новая духовность, у
которой нет границ, в которой нет зависимости.*

*С меня начинается святость, которая знает
лишь свободу духа, тишину внутреннего существа,
развитие личного потенциала и, в конце концов,
познание собственной божественности – не
бога, живущего где-то далеко на небесах,
а божественности, переполняющей каждого
изнутри.*

ОШО

Osho

The Autobiography of a Spiritually Incorrect Mystic

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Предисловие редактора английского издания

Не раз Ошо спрашивали о том, почему бы ему не написать автобиографию или не рассказать о себе тому, кто мог бы переложить историю его жизни на бумагу. Но Ошо только отмахивался и говорил, что важны вечные истины, а не обрывки газетных статей, которые мы собираем и называем «историей». Иногда он говорил, что его биографию можно восстановить по его работам, по сотням томов опубликованных бесед и тысячам преобразившихся жизней тех людей, которые когда-либо с ним соприкасались.

Тем не менее, человеческий ум привык рассматривать жизнь как цепь определенных событий, следующих одно за другим во времени. Мы стремимся установить некие рамки, убеждая себя, что понимаем «смысл» происходящего, особенно если оно выглядит противоречивым, странным и необычным. Появление этой книги означает, что настала пора рассказать о жизни Ошо, учитывая временной контекст, чтобы лучше понять его самого и его работу.

Прошло уже десять лет с тех пор, как Ошо был готов покинуть тело, служившее ему пятьдесят девять лет. Как вспоминает его личный врач, он собирался в последний путь «так спокойно, словно паковал чемоданы перед поездкой за город на выходные». В определенном смысле эта автобиография не

могла быть составлена раньше, поскольку тогда, сразу после его ухода, в мире еще не произошли некоторые глобальные перемены. С тех пор как Ошо «собрал чемоданы и отправился за город», у нас появились CNN и Интернет. Довольно часто Ошо делился своей утопической мечтой о том, что в мире не будет границ, а люди перестанут враждовать из-за расовых, национальных, половых или религиозных различий. Сейчас эта мечта гораздо ближе к реальности, по крайней мере, она уже не кажется столь невероятной, как раньше. Медитация, на которой неустанно настаивал Ошо и которая лежит в основе его послания людям, перестала быть туманным и загадочным предметом интереса лишь немногих чудаковатых эксцентриков. Теперь люди во всем мире признают ее огромный потенциал и пользу для всех: от замученного работой бизнесмена до человека, больного раком. Иными словами, хотя Ошо все еще, безусловно, опережает время, сейчас все больше и больше людей начинают понимать уникальность его взглядов и идей.

Современные технологии позволили хранителям огромного количества работ Ошо перевести их в электронную форму и распространить по миру. Нынешним искателям доступны в общей сложности более пяти тысяч часов записей его бесед на английском, а также сотни дискурсов, переведенных с хинди. Это значит, что буквально за одну секунду компьютер подсчитает для вас, что в своих беседах Ошо двадцать пять тысяч раз употреблял слово «медитация» и сорок

две тысячи раз – слово «любовь». Вариации слова «секс», которое казалось просто кощунственным в 1960-х годах в Индии, появляются девять тысяч триста раз – на две тысячи раз больше, чем какие-либо упоминания о политике и ссылки на разных политических деятелей.

Конечно, отбор тех моментов, когда Ошо говорил непосредственно о своей жизни, требует участия человеческого интеллекта. Никакая компьютерная программа с этим не справится. Понадобилось более трех лет упорного труда, чтобы эта книга увидела свет. В конце концов, составление автобиографии по имеющимся материалам, да так, чтобы она соответствовала представлениям Ошо об истине, а не о фактах, чтобы в ней была отражена вечность, а не эфемерность, требовало от нас огромной смелости и желания сделать невозможное.

Приведем лишь один пример. После окончания университета Ошо несколько лет преподавал философию. Ум, стремящийся всему давать названия, немедленно скажет: «В прошлом Ошо был преподавателем философии». На этом он остановится, удовлетворившись тем, что теперь знает нечто важное об индийском мистике. Но Ошо с тем же успехом мог быть сапожником или плотником. Если вы действительно хотите понять мастера, то важным становится не то, что он *делал*, а то, каким человеком он *был*. Ум, ориентированный на факты, определяет людей по профессии, по тому, чем они занимаются, а не по их личностным качествам. Он опре-

деляет их по тому, сколько богатств они накопили за свою жизнь, а не по тому, насколько мудрыми они стали и сколько открытий и прозрений они унесут с собой после смерти. Но именно «бытие» интересовало Ошо больше всего, а вовсе не «занятие» или «обладание». И тот, кто оценивает жизнь по внешним событиям и опирается лишь на дела или приобретения, никогда не сможет по-настоящему глубоко проникнуть в мир Ошо.

И, тем не менее, если на время отложить вечные ценности в сторону, то факт остается фактом: Ошо не стал учиться на сапожника или плотника, он совершенствовался в красноречии, в словесном выражении своих мыслей и идей. Друзья и враги Ошо единодушно отмечали, что высказывался он неизменно виртуозно, с удивительной проницательностью и чувством юмора. Подобрать верные слова для описания его жизни было бы вполне возможно, даже довольно легко, если бы он был последовательным в своем учении. Но это не так. Если бы Ошо придерживался какой-то определенной традиции или объявил бы себя каким-нибудь сверхъестественным мессией или пророком, который пришел, чтобы создать новую школу, то наша задача была бы значительно проще. Но все это очень далеко от истины. Напротив, Ошо постоянно подчеркивал, что он не только не принадлежит ни к одной традиции, но и делает все возможное, чтобы после его смерти из его учения не создали культ.

Поэтому все, что написано в этой книге, не является, да

попросту и не может быть по самой природе этого удивительного человека ответом на вопрос: «Кто такой Ошо?» Это скорее лишь указание направления, в котором стоит искать ответ, своего рода помощь на пути к вечному стремлению найти хоть какое-нибудь объяснение в контексте «вечности» и «эфемерности», в контексте «бытия» и «действий». В конце концов, Ошо сам говорил, что мы сможем понять его, только познав самих себя. Бросая нам этот вызов, он призывает нас учиться на примере его жизни, но учиться лишь тому, что поможет нам постичь самих себя.

Сарито Кэрол Нейман

Предисловие

Прежде всего, вы должны понять разницу между истиной и фактом. Обычно историков волнуют лишь факты – что произошло в материальном мире, каковы те или иные события. Они не заботятся об истине, потому что истина случается не в физическом мире, истина живет в сознании. Но люди еще не созрели для того, чтобы воспринимать события, творящиеся в их внутреннем мире.

Они отмечают лишь то, что происходит во времени и пространстве, то есть факты. Они еще не достаточно мудры, чтобы обращать внимание на то, что существует за пределами времени и пространства, другими словами, на то, что выходит за рамки их ума, на то, чем наполнено их сознание. Однажды мы напишем целую историю в совершенно ином стиле, потому что факты тривиальны и не имеют никакого значения, несмотря на то, что отражают они материальное. Истина же не материальна, но лишь она одна и важна.

Историки будущего станут больше интересоваться тем, что творилось в душе у Гаутамы Будды в тот момент, когда он просветлел, и что он испытывал в течение тех сорока двух лет, которые прожил после того. И потом его история не заканчивается лишь потому, что он оставил земное тело. Его жизнь не связана с телом, Будда – это сознание, а сознание не прерывается. Его путешествие бесконечно. И то, что проис-

ходило в сознании, внутри тела, происходит теперь уже вне тела. Это так легко понять.

Эта история – о внутреннем путешествии.

Часть первая

Обычный человек, или Правда вместо легенды

Вопрос: Кто вы такой?

Ответ: Я – это просто я. Не пророк, не мессия, не Христос. Самый обычный человек... такой же, как вы.

Вопрос: Но ведь не совсем такой же!

Ответ: Это правда... не совсем! Вы все еще спите, но разница между нами не так уж велика. Когда-то я тоже спал. Однажды вы проснетесь. Вы можете проснуться прямо сейчас, вам никто не мешает. Сравнить нас бесполезно.

*Из беседы с Робертой Грин, «Санта Анна Реджистер»,
округ Оранж, Калифорния*

Воспоминания золотого детства

Я никогда не был духовным человеком в обычном смысле этого слова¹. Я не посещал церковь, не ходил в храмы, не читал священных писаний и не соблюдал обрядов в поисках истины, никогда не поклонялся Богу и ни о чем его не просил. Это совершенно не мой путь. Вы с уверенно-

¹ Выделенный таким образом текст открывает цитату. В конце книги вы можете найти список ссылок на источники. – *Примеч. ред.*

стью можете сказать, что я не делал ничего духовного. Но для меня духовность имеет совершенно иное значение. Чтобы быть духовным, нужно быть честным и обладать истинной индивидуальностью. Духовность не допускает зависимости. Наоборот: она создает свободу ради самой свободы, чего бы ей это ни стоило. Духовность не для толпы. Толпа слишком далека от истины. Истину можно познать лишь в одиночестве.

Поэтому моя духовность отличается от вашей. Истории моего детства, если вы сможете понять их, так или иначе указывают на то, что значит духовность в моем понимании. Вы никогда бы не сказали, что эти истории полны духовности, но для меня это так, потому что в те моменты я получал все, о чем человек может только мечтать.

Слушая рассказы о моем детстве, постарайтесь увидеть и услышать, что стоит за словами. Обращайте внимание не на события, а на нечто едва уловимое, что тонкой нитью пронизывает их всех. Именно эту тонкую нить я и называю духовностью.

Для меня духовность – это просто-напросто поиски себя. Я никому не позволял делать это за меня, ведь это невозможно. И вам тоже придется искать себя самим.

1931–1939. Кучвада, Мадья-Прадеш, Индия

Я вспоминаю небольшую деревню, в которой ро-

дился. Почему существование выбрало именно это место, непонятно. Но значит, так оно и должно было быть. Там было чудесно. Я много путешествовал, но нигде не встречал такой красоты. Впрочем, в мире не бывает повторений. Все приходит и уходит, и одно не похоже на другое.

Я закрываю глаза и вижу ту маленькую тихую деревушку: всего несколько хижин вокруг пруда и высокие деревья, среди которых я играл. У нас не было школы. И это очень важно, потому что меня никто не образовывал почти целых девять лет. А это как раз тот возраст, когда закладывается основа человека. После этого, как ни старайся, уже ничего не изменишь. Поэтому в каком-то смысле я так и остался неучем, хотя теперь у меня много ученых званий – и не просто званий, а высших степеней. Но любой дурак может получить высшую степень в чем угодно. Каждый год степени получают так много дураков, что все их регалии не имеют никакого значения. Важно лишь то, что в первые годы моей жизни мне никто ничего не навязывал. В деревне не было ни школы, ни почты, ни вокзала, ни даже обычной дороги. Какое блаженство! Наша крохотная деревушка была оторвана от остального мира. И даже потом вдали от дома я так и остался необразованным.

Я встречал множество людей, но жители той деревни остались для меня самыми невинными из всех лишь потому, что были очень простыми. Они ничего не знали о цивилизации. Они в жизни не видели ни одной газеты. Теперь вы пони-

маете, почему там не было школы. Не было даже начальной школы. Как мне повезло! Современным детям редко выпадает такое счастье.

* * *

В прошлом детей женили прежде, чем им исполнилось десять лет. Иногда родители устраивали их судьбу еще до того, как они появлялись на свет. Просто двое друзей решали между собой: «Наши жены беременны, и если у меня родится мальчик, а у тебя девочка, то пусть они поженятся. По рукам!» Никому даже в голову не могло прийти спрашивать согласия у детей, они ведь еще даже не родились! Но если у одного рождался мальчик, а у другого девочка, то все уже было решено. И родители держали слово.

Мою мать выдали замуж, когда ей было семь лет. Отцу было не больше десяти, и он вообще не понимал, что происходит. Я часто спрашивал его: «Что тебе больше всего понравилось в твоей свадьбе?» А он отвечал: «Ехать верхом на лошади». Естественно! Впервые он был одет как раджа. За поясом у него висел кинжал, и он возвышался над остальными. Все смотрели только на него. Конечно, ему это страшно понравилось. Но больше он о своей свадьбе не помнил ничего. О медовом месяце не было и речи. В какое свадебное путешествие могут отправиться десятилетний мальчик с семилетней девочкой? В Индии нет такого понятия как медо-

вый месяц. Впрочем, в прошлом его не было нигде.

Когда моему отцу было десять, а матери – семь, умерла мать моего отца. И уже через год-два после свадьбы вся ответственность за семью легла на плечи моей матери, которой было всего девять лет. У моего отца было еще две сестры и брат – в их семье было четыре ребенка. И заботиться о них пришлось девятилетней девочке и двенадцатилетнему мальчику. Мой дед по отцовской линии не любил жить в городе, где он держал небольшую лавку. Он предпочитал жить в деревне. Когда его жена умерла, он оказался абсолютно свободным. В то время государство раздавало бесплатные земельные участки, поскольку земли было много, а обрабатывать ее было некому. Мой дед получил пятьдесят акров, а лавку отдал детям, моим родителям. Отцу было двенадцать, а маме – девять. Деду нравилось возиться в саду. Он наслаждался свежим деревенским воздухом. Жизнь в городе его совершенно не привлекала.

Моему отцу так и не пришлось познать свободу, коей обладает современная молодежь. Он никогда не был беззаботным юношей. Еще до того, как он мог бы стать подростком, он уже стал взрослым, потому что заботился о братьях и сестрах и содержал лавку. Когда ему исполнилось двадцать, пришла пора устраивать браки своих сестер и брата и платить за их обучение.

Я никогда не называл маму «мамой», потому что еще до моего рождения она уже была матерью троих детей, которые

называли ее «бхабхи». Это значит «жена брата». Я тоже стал называть ее «бхабхи», услышав это имя от других детей.

Однако воспитали меня дедушка и бабушка по материнской линии. *Одинокие старики, они очень хотели, чтобы рядом был ребенок, который скрасил бы остаток их дней. Вот мои родители и решили отправить меня, их старшего сына, первенца, к ним на воспитание.*

Я почти не помню, как жил с родителями. Детство я провел среди стариков: дедушка, бабушка и их давний слуга, замечательный человек. Их было трое... но разница в возрасте была огромна, и я жил в полном одиночестве. Старики не могли составить мне компанию, как бы им этого ни хотелось. А никого другого рядом не было, потому что в этой маленькой деревушке наша семья была самой богатой. Жителей в округе было всего-навсего человек двести, и все они были такими бедными, что мои родители запрещали мне играть с местной детворой. Дети там были ужасно грязными и совсем нищими. В общем, дружить мне было не с кем. Это оказало на меня огромное влияние. За всю жизнь у меня так и не было настоящих друзей. Были знакомые, приятели, но не друзья.

В детстве я был так одинок, что в итоге научился любить одиночество – это действительно блаженство. Одиночество не было каким-то проклятием для меня, оно приносило мне истинную радость. Я стал самодостаточным и научился ни

от кого не зависеть.

Игры меня никогда не интересовали по той простой причине, что в детстве я никогда не играл – вокруг меня не было других детей. Я все еще вижу себя маленьким: я просто сидел. Наш дом находился в чудесном месте. Он стоял прямо на берегу озера, протянувшегося на много миль вперед. Оно было таким прекрасным и безмолвным. Лишь изредка, время от времени, над головой пролетали стаи белых журавлей или раздавались крики птиц. Тогда покой нарушался, но в целом это было идеальное место для медитации. И даже если воздух прорезал крик влюбленной птицы... после этого тишина становилась только глубже.

Озеро было усыпано лотосами, и я мог часами сидеть на берегу, такой довольный, словно в мире не было ничего, кроме лотосов, белых журавлей и тишины...

Вскоре мои бабушка и дедушка заметили, что больше всего на свете мне нравилось одиночество. Они видели, что у меня не было желания идти в деревню и с кем-то знакомиться или с кем-то беседовать. Даже если они сами хотели со мной поговорить, я отвечал им кратко «да» или «нет». Мне было не интересно говорить. И поняв, что я люблю одиночество, они посчитали своим долгом охранять мой покой.

Итак, целых семь лет никто не посягал на мою невинную, безмятежную жизнь. Было просто некому. Эти три старика, что жили в нашем доме, бабушка с дедушкой, да их слуга, защищали меня от внешнего мира, как могли. На самом деле

с возрастом мне даже стало как-то неловко, что из-за меня они не разговаривали и были не такими, как все. Детям часто говорят: «Не шуми, папа работает» или «Дедушка отдыхает. Не болтай, сиди тихо». Со мной же все было наоборот. Сейчас я не могу сказать, почему и как это произошло. Но так уж вышло. Моей заслуги тут нет.

Три старика постоянно делали друг другу знаки: «Не отвлекай его, ему так хорошо». И они тоже полюбили тишину.

Тишина обладает особыми вибрациями. Молчание заразительно. Особенно детское, если в нем нет принуждения, если оно случается не потому, что кто-то приказал молчать или строго сказал: «Будешь шуметь – накажу», – это вовсе не тишина. В таком молчании нет радостных вибраций, о которых я говорю, нет того аромата, который ощущается, когда ребенок молчит просто так, просто потому что ему захотелось. Он счастлив безо всякой причины. И тогда все вокруг тоже испытывают блаженство.

Итак, по простому стечению обстоятельств целых семь лет меня никто не трогал: никто от меня ничего не требовал, не пытался подготовить меня к миру бизнеса, политики или дипломатии. Бабушке с дедушкой очень хотелось, чтобы я рос естественным, – особенно бабушке. Она и была главной причиной. Это мелочь – но из подобных мелочей складывается целая жизнь. Именно благодаря ей я искренне уважаю женщин и женское начало в целом. Она была простой женщиной, необразованной, но чрезвычайно чувстви-

тельной. Деду и слуге она так прямо и сказала: «Мы прожили никчемную жизнь. Как были пустыми, такими и остались. А на пороге смерть. Давайте не будем мешать мальчику» Бабушка настаивала: «Что мы можем ему дать? Сделать такими же, как мы? Но мы – ничто. Так дайте хоть ему возможность быть самим собой».

Я слышал, как ночами они спорили, думая, что я уже сплю. «Ты говоришь, что так лучше. Я, конечно, с тобой согласен – не унимался дед, – но он ведь не наш сын, и рано или поздно его заберут родители. Что они скажут? – „Вы его ничему не научили. Он абсолютно не воспитан, настоящий дикарь!“»

Но бабушка была спокойна: «Ну что ты волнуешься? В этом мире все цивилизованны, у каждого есть манеры, и все знают этикет. Так и что с того? Вот ты – хорошо воспитан, но посмотри, чего ты достиг? В худшем случае родители просто разозлятся. Ну и что? Пусть себе злятся. Ничего страшного, а к тому времени мальчик станет уже сильным, и они не смогут сбить его с толку».

Я чрезвычайно благодарен бабушке. Время от времени мой дед вновь заводил подобные разговоры, беспокоясь о том, что рано или поздно родители во всем обвинят именно его. «Вот приедут и скажут: „Мы доверили тебе ребенка, а ты его ничему не научил“».

Но бабушка не хотела даже нанять мне учителя. В деревне был один человек, который мог бы научить меня основам

чтения, математики и географии. Сам он закончил четыре класса – в Индии это называется начальной школой. В деревне этот человек считался самым умным. «Он мог бы приходить к нам и учить нашего мальчика. Пусть хоть алфавит выучит и считать научится. Чтобы потом родители не говорили, что мы впустую потратили семь лет», – убеждал дед бабушку.

Но бабушка отвечала: «Вот заберут его и пусть делают, что хотят. А эти семь лет он будет таким, какой есть, и мы не станем ему мешать». Она всегда говорила одно и то же: «Ты ведь умеешь читать – и что? Умеешь считать – и..? Денег у тебя все равно нет, ты хочешь, чтобы у него тоже не было денег и чтобы он жил, как ты?»

На этом их спор прекращался. А что было делать? Деду было трудно, потому что с этим не поспоришь. Он знал, что отвечать придется именно ему. Зять приедет и скажет: «Что ты наделал?» Так бы оно и было, но, к счастью для себя, дед умер еще до того, как меня забрали.

Позже мой отец часто повторял: «Во всем виноват этот старик. Это он испортил мне ребенка». Но к тому времени я был уже достаточно независимым и сразу расставлял все точки над «і». «Не смей говорить при мне ни единого плохого слова о дедушке. Он спас меня от твоих нравоучений. И тебя это злит. У тебя есть другие дети, вот их и воспитывай. Потом посмотрим, кто из нас окажется испорченным».

У него действительно были другие дети: они все рожда-

лись и рождались. Я даже иногда подшучивал над отцом: «Ну, пожалуйста, роди нам еще одного ребеночка. Пусть будет целая дюжина. Одиннадцать детей? Люди спрашивают: „Сколько у вас детей?“ Стыдно как-то говорить, что всего одиннадцать. Вот целая дюжина – это да. Впечатляет!» А позже я ему говорил: «Ты по-прежнему калечишь детей. А я – дикарь. Дикарем и останусь». И действительно, мне удалось избежать оков цивилизации.

* * *

Мой дедушка был очень щедрым человеком. Он был беден, но никогда не скупился. Он был готов отдать последнее. Именно он научил меня делиться с людьми всем, что у меня есть. Я никогда не видел, чтобы он отказал нищему, да и вообще кому бы то ни было.

Я звал его «нана». В Индии так обращаются к отцу матери. А мать матери называют «нани». Я как-то спросил у деда: «Нана, где ты нашел такую красивую жену?» Лицо у нее было совсем не индийским, она была больше похожа на гречанку. Бабушка была сильной женщиной, очень сильной. Нана умер рано, ему не было и пятидесяти. А бабушка прожила до восьмидесяти. У нее было отменное здоровье. Никто и не думал, что она может умереть. Я обещал ей, что обязательно приеду на ее похороны. И я сдержал обещание. Она умерла в 1970 году. Тогда в последний раз я видел свою родню.

Когда я был совсем маленьким, я считал нани своей мамой. Это были те самые годы, в которые происходит становление человека. Родная мать появилась позже. К тому времени я уже вырос, и у меня сложилось собственное отношение к жизни. Спасибо моей любимой бабушке. Дедушка тоже очень меня любил, но помочь мне не мог ничем. Он был любящим, но чтобы помогать, нужно обладать чем-то большим – нужно быть сильным. Он всегда боялся бабушки. В каком-то смысле он был подкаблучником. И все же он любил меня и помогал... что поделаешь, если он действительно был подкаблучником? Почти все мужья такие – девяносто девять и девять десятых процента. Так что это нормально.

* * *

Конечно, моего деда можно понять. Своим поведением я доставлял ему много неприятностей. Целыми днями он сидел на своем *гадди* – в Индии так называются кресла для богатых людей – и выслушивал жалобы на мой счет намного чаще, чем принимал заказы! Но он всегда отвечал: «Я готов возместить вам ущерб, однако наказывать его не стану».

Я был очень непослушным ребенком, но он терпел все мои выходки... Даже я на такое не способен. Если бы мне пришлось воспитывать ребенка несколько лет... Упаси господи! Несколько минут – и я вышвырнул бы его за дверь навсегда. Возможно, те годы были для моего деда похожи на

чудо. И он был вознагражден за свое невероятное терпение. Я видел, как с каждым днем он становился все более и более спокойным. Иногда я даже говорил ему:

– Нана, почему ты меня не накажешь? Как ты можешь все это терпеть?

И вы не поверите, но он плакал! Слезы сами катились у него из глаз. Он говорил:

– Наказать тебя? Я просто не могу. Себя могу, а тебя – нет.

Никогда, ни на одно мгновение я не видел в его глазах и тени обращенного в мою сторону гнева, хотя поверьте, я вытворял такое, что ни под силу даже тысяче детей. С самого утра, еще до завтрака, я уже начинал озорничать – и так до глубокой ночи. Домой я возвращался поздно, иногда в три-четыре часа утра... Каким замечательным человеком был мой дед! Он никогда меня не упрекал и ни разу не сказал: «Ты вернулся слишком поздно. Дети не должны гулять так долго». Ни разу! Наоборот, он даже старался не смотреть на часы.

Он ни разу не повел меня с собой в храм, который посещал регулярно. Я вообще-то сам туда заглядывал, но только тогда, когда служба уже заканчивалась. Я воровал там пирамидки-призмы. В храме было много подсвечников с очень красивыми пирамидками. Думаю, что потихоньку я стащил их все. Когда дедушке об этом сказали, он ответил:

– Ну и что! Я сам подарил храму эти подсвечники. Могу подарить еще. Он их не крал. Как он мог украсть то, что

принадлежит его нане. Этот храм построен на мои деньги.

Тогда священник перестал жаловаться. Какой смысл? Ведь он был всего лишь слугой моего наны.

Нана ходил в храм каждое утро и ни разу не позвал меня с собой. Он не хотел навязывать мне какую-либо религию. И это здорово... не навязывать свои взгляды. Люди так часто внушают беспомощным детям те или иные религиозные истины. Но мой дед не поддавался этому искушению. Да, я называю это величайшим из искушений. Когда вы понимаете, что обладаете властью над кем-то, вы так или иначе начинаете этим пользоваться. Дед же ни разу не сказал мне: «Я – джайн, и ты должен быть джайном».

Я очень хорошо помню один случай. В то время шла перепись населения, и к нам в дом пришел какой-то чиновник. Он задавал много вопросов и среди прочих спросил деда о том, какую религию тот исповедует.

– Джайнизм, – ответил дед.

Затем чиновник спросил о религии моей бабушки, а нана сказал:

– Спросите у нее. Религия – это частное дело каждого. Лично я никогда ее об этом не спрашивал.

Какой был человек!

Бабушка же ответила так:

– Я не придерживаюсь вообще никакой религии. Все это для меня детский лепет.

Чиновник был в шоке. Даже я был потрясен. Она не ис-

поведует никакой религии! В Индии найти нерелигиозную женщину попросту невозможно. Но она родилась в Каджурахо, скорее всего, в семье тантристов, а они не признают никаких религий. Они медитируют, но не относят себя ни к какой конфессии.

Для западного человека это звучит абсурдно: медитация, не связанная с религией. Да, да, так и есть... на самом деле, если вы религиозны, вы не можете медитировать. Религия мешает медитации. Медитации не нужен бог, ей не нужен ни ад, ни рай, ни страх наказания, ни обещания вечного блаженства. Медитация не имеет ничего общего с мыслями, она случается тогда, когда их нет, а поскольку религия идет от ума, то она и существует исключительно в уме.

Нани никогда не ходила в храм, но она научила меня одной мантре. Я еще никому об этом не рассказывал. Это джайнская мантра, но к джайнизму она имеет мало отношения. Ее связь с этой религией – чистая случайность...

Намо арихантанам намо намо

Намо сиддханам намо намо

Намо увадджхайянам намо намо

Намо лойе савва сахунам намо намо

Аэсо панч наммукаро

Савва паваппанасано

Мангалам ча саввесам падхамам хавай мангалам

Апиханте саранам павадджхами

Сиддхе саранам павадджхами

Саху саранам павадджхами

Намо арихантанам намо намо
Намо сиддханам намо намо
Намо увадджхайянам намо намо
Ом шанти, шанти, шанти...

Теперь я попытаюсь ее перевести: «Я склоняюсь к стопам... припадаю к ногам ариханты...» Ариханта – так в джайнизме называют того, кого в буддизме зовут архатом: человека, достигшего наивысшей цели и которому больше ничего не нужно. Он обрел дом и отвернулся от остального мира. Он не создает религий или хотя бы учений. Он вообще ни о чем не рассказывает. Конечно, таких запоминают. Лучшие всего запоминают тех, кто знает, но хранит безмолвие. Уважают не за слова, а за тишину, не за служение людям, а за познание самого себя. Не важно, отдавал он себя другим или нет, это уже второй вопрос. Главное, что он обрел себя, ведь в нашем мире это так трудно...

Арихантой джайны называют того, кто познал свое «Я» и настолько погрузился в себя, настолько опьянен великолепием своего прозрения, что забыл обо всем на свете. В буквальном переводе «ариханта» означает «убивший врага», и этот враг – эго. Итак, первая строка мантры означает: «Я каюсь стоп того, кто обрел себя».

Вторая строка: «Намо сиддханам намо намо». Эта мантра не на санскрите, а на пракрите, языке джайнов. Он древнее санскрита. Само слово «санскрит» означает «улучшенный»,

«очищенный». Значит, до него уже был какой-то язык, иначе что было очищать? «Пракрит» означает «неочищенный», «естественный», «сырой», и джайны правы, когда утверждают, что их язык – самый древний. Их религия, между прочим, тоже самая древняя. Так вот, эта мантра с пракрита, сырого и неочищенного языка, переводится следующим образом: *«Я касаюсь стоп того, кто стал своей сущностью»*. В чем же разница между первым человеком и вторым? *Ариханта* никогда не оглядывается, он никому не служит – ни в христианском смысле, ни в любом другом. *Сиддха* же иногда протягивает руку помощи тонущему человечеству – не всегда, а лишь время от времени. Для него это – не долг и не обязанность, а просто выбор. Он может помочь, а может и не помогать.

Теперь третья строка: *«Намо увадджхайя нам намо намо...»* «Прикасаюсь к стопам Учителей, увадджхайя». Они достигли того же, но обращены лицом к миру, они служат миру. Они одновременно и в этом мире, и вне его... и все же они здесь.

Четвертая строка: *«Намо лойе савва сахунам намо намо»* – «Я касаюсь стоп учителей». Знаете, в чем разница между Учителем с большой буквы и просто учителем? Великий Учитель познал и делится своим Знанием, а просто учитель получил знания от кого-то другого и теперь несет их миру. Но сам он ничего не познал. Создатели этой мантры были гениальны: они припадали даже к стопам тех, кто не

познал себя, но все же несет людям Знание Великих Учителей».

Пятая строка – одна из самых глубоких по содержанию. За всю жизнь я встречал мало таких глубоких мыслей. Странно, что бабушка передала мне эту мантру, когда я был еще очень маленьким. Вы тоже увидите красоту этой фразы, как только я вам ее переведу. Только бабушка могла сделать мне такой подарок. Не знаю, кому еще хватило бы духу открыто провозглашать эту строчку... хотя все джайны произносят ее в своих мантрах. Но одно дело – повторять и совсем другое – передавать тому, кого любишь.

«Я прикасаюсь к стопам всех, кто познал себя»... никаких различий, будь то индуист, джайн, буддист, христианин или мусульманин. В мантре так и говорится: «Прикасаюсь к стопам всех, кто познал себя». Насколько мне известно, это единственная мантра, никак не связанная с какой-то определенной религией.

Предыдущие четыре строчки ничем не отличаются от пятой, они все в ней присутствуют. Однако пятая строка отражает ту широту, коей остальные не обладают. Она всеохватна. Эта фраза должна быть начертана на стенах всех храмов и церквей в мире, кто бы в них ни молился, потому что в ней сказано: «Я прикасаюсь к стопам всех, кто познал себя». Не «всех, кто познал бога». Даже слово «себя» можно опустить. Я сам добавил его в переводе. В оригинале сказано: «Прикасаюсь к стопам всех, кто познал», там нет слова «себя». Я

добавил это слово лишь потому, что того требует грамматика вашего языка, ведь иначе вы спросите: «Познал что? Что именно стало объектом познания?» На самом деле нет никакого объекта познания – нет ничего, что можно было бы познавать, есть только познающий.

Эта мантра и была единственной религией, – если ее вообще можно назвать религиозной, – которую передала мне моя бабушка. Не дедушка, а бабушка. Однажды она сказала: – Тебе не спится? Думаешь о том, как будешь завтра озорничать?

– Нет, – ответил я. – Просто мне интересно. У всех есть какая-то религия, а когда меня спрашивают, во что я верю, я просто пожимаю плечами. Но ведь пожимать плечами – это же не ответ. Вот я и думаю, что мне отвечать в таких случаях?

И она сказала:

– Лично я не верю ни в какую религию, но мне нравится одна мантра, и это единственное, чему я могу тебя научить, – и совсем не потому, что она считается джайнской. Просто она красивая. Я повторяла ее миллионы раз, и эта мантра приносила мне удивительный покой... мне казалось, будто я сама припадаю к стопам всех, кто познал. Могу научить тебя только ей, больше ничему.

Теперь я могу сказать, что она была великой женщиной. Когда речь заходит о религии, все начинают лгать. Христиане, иудеи, джайны, мусульмане... врут абсолютно все. Они

говорят о боге, об ангелах, рассказывают про ад и рай и про всякую другую ерунду, даже не зная, что это такое. Но моя бабушка была действительно великой, и не потому, что она что-то знала, а потому, что попросту не могла соврать ребенку.

Никто не должен лгать, особенно детям, это непростительно. Детей эксплуатируют много сотен лет только потому, что они всему верят. Соврите им, и они примут ваши слова за чистую монету. Если папа или мама что-то говорит, то ребенок считает слова родителя истиной в последней инстанции. Поэтому все человечество живет во лжи, в очень скользком, вязком вранье, которое внушается детям из поколения в поколение. Если бы мы могли хотя бы просто не врать, не врать детям, признаться им в собственном невежестве, мы стали бы гораздо более духовными и повели бы их за собой по пути святости. Невинны лишь дети, оставьте их в покое, не навязывайте им свои так называемые знания. Прежде всего, вам самим нужно стать невинными, искренними, настоящими.

* * *

Джайнизм – самая аскетичная религия в мире. Иными словами, самая мазохистская и садистская. Монахи-джайны так себя мучают, что порой кажется, что они просто сумасшедшие. Но это не так. На самом деле, они хоро-

шие дельцы, и все, кто следуют религии джайнов, – отличные торговцы. Конечно, странно, что в Индии живут одни деловые люди. Однако все легко объяснимо, если учесть, что сама религия нацелена прежде всего на получение выгоды в ином мире. Джайны истязают себя, чтобы в ином мире получить все, чего у них нет в этом.

Мне было, наверное, лет пять, когда я впервые увидел обнаженного джайнского монаха. Он пришел к нам в гости. Я просто не мог удержаться от смеха. Дедушка сказал мне:

– Успокойся! Я знаю, что ты озорник. Я могу тебя простить, когда ты изводишь соседей, но если ты оскорбишь моего учителя, то пеняй на себя. Он – мой гуру. Это он посвятил меня в священные тайны нашей религии.

– А мне нет дела до ваших священных тайн, – дерзко ответил я. – Зато я вижу его обычную тайну. Почему он голый? Он что, не мог надеть трусы?

Даже мой дед рассмеялся.

– Ты не понимаешь, – сказал он.

– Ладно, я сам у него спрошу, – согласился я.

Вся деревня собралась на даршан, который проводил тот монах. В самый разгар этой так называемой проповеди я встал и задал вопрос. Это было больше сорока лет назад, и с тех пор мне постоянно приходится воевать со всякими идиотами. Война началась в тот самый день, а закончится, боюсь, только когда меня уже не будет. А может быть, и вообще не закончится, ее продолжат мои ученики.

Я задавал простые вопросы, на которые он не мог ответить. Я был озадачен. Мой дед покраснел от стыда. А бабушка похлопала меня по спине и сказала:

– Молодчина! Я всегда знала, что ты это сделаешь.

О чем я его спрашивал? Об очень простых вещах. Мне было интересно, почему он не хочет снова родиться. Люди даже выдумали целую науку, как избежать следующего рождения. Вот я его и спросил:

– Неужели вы не хотите родиться еще раз?

– Нет, ни в коем случае, – ответил он.

Тогда я сказал:

– Почему бы вам не совершить самоубийство? Зачем вы живете? Зачем едите и пьете? Ведь так просто взять и исчезнуть, покончить со всем этим. Зачем же так мучиться?

Ему было не больше сорока...

– Будете продолжать в том же духе, рискуете прожить еще лет сорок, а то и больше, – добавил я. Это ведь известный факт: кто мало ест, тот долго живет...

Конечно, тогда я еще этого не знал, но спросил монаха:

– Если вы не хотите снова рождаться, то зачем тогда живете? Почему не умрете? Совершите самоубийство, и все.

Не думаю, что его когда-нибудь об этом спрашивали. В нашем обществе вежливых людей никто не осмеливается задавать действительно стоящие вопросы. А вопрос о самоубийстве один из самых важных.

Марсель сказал: «Самоубийство – единственный по-на-

стоящему философский вопрос». Тогда я не знал никакого Марселя. Возможно, в то время его еще и не было, и книга его не была написана. Но именно об этом я спросил монаха:

– Если вы говорите, что не хотите больше рождаться, тогда зачем живете? Для чего? Покончите с этим раз и навсегда! Я знаю один хороший способ. И хотя я еще мало разбираюсь в жизни, но что касается самоубийства, могу дать вам отличный совет. Спрыгните со скалы на краю нашей деревни или утопитесь в реке.

Я сказал тому монаху:

– В сезон дождей я тоже могу спрыгнуть в реку с вами. Поплаваем немного вместе. Потом вы утонете, а я поплыву на тот берег. Я хорошо плаваю.

Он посмотрел на меня с такой яростью, с такой злостью, что мне пришлось добавить:

– Помните, если вы будете злиться, то родитесь снова. Так вы не избавитесь от мирских страданий. Почему вы смотрите на меня с такой ненавистью? Ответьте на мой вопрос спокойно. С радостью! А если не можете, то просто скажите: «Я не знаю». Зачем же злиться?

Монах с трудом выговорил:

– Самоубийство – это грех. Я не могу покончить с собой. Но я действительно не хочу снова рождаться. Отказываясь от всего, что у меня есть, я постепенно перейду в мир иной.

И тогда я попросил:

– Покажите мне, пожалуйста, что у вас есть. Вы же голый,

и в руках у вас ничего нет. Так что же у вас есть?

Дед попытался меня остановить, но я показал на бабушку и сказал ему:

– Не забывай, нани мне разрешила, и никто мне не запретит, даже ты. Я у нее заранее спросил разрешения. Я боялся, что если прерву твоего гуру и его дурацкую проповедь, то ты на меня рассердишься.

А бабушка сказала: «Если что, скажи, что я разрешила. Ничего не бойся, просто покажи на меня, и дедушка замолчит». Знаете, после этого он, как ни странно, действительно замолчал, хотя даже не посмотрел в сторону нани!

Позже мы с нани долго смеялись. Я сказал ей:

– Он даже не взглянул на тебя.

– Он, наверное, боялся, что я скажу: «Замолчи, не мешай ребенку!» Вот и не посмотрел. А тебя не стал перебивать, чтобы со мной не связываться, – с улыбкой произнесла она.

Вообще-то дед закрыл глаза, как будто медитировал. И я ему сказал:

– Нана, ты молодец! Ты злишься, ты весь кипишь, и все равно сидишь с закрытыми глазами, словно просто медитируешь. Твой гуру злится на меня, потому что мои вопросы выводят его из себя, а ты злишься, потому что он не может на них ответить. Но, поверь мне, этот тип, который тут проповеди читает, – просто дурак.

А мне было тогда всего пять или шесть лет!

С тех пор я начал называть все своими именами. Идиотов

я сразу вижу, как бы они ни маскировались. Никто не может укрыться от моего рентгеновского взгляда.

* * *

Я уже не помню имени того монаха. Кажется, его звали Шанти Сагар, что означает «океан блаженства». Конечно, ему было далеко до этого. Естественно, я забыл его имя. Он был всего лишь грязной лужей, но уж никак не океаном блаженства или покоя. В нем не было ни капли тишины. Вот он и разозлился.

Слово «шанти» многозначно. Оно может означать «покой» и «тишину» – это два основных понятия. Но ничего такого не было в том монахе. В нем вообще не было ни покоя, ни тишины, одни лишь страдания. Он очень сильно на меня разозлился, стал кричать и велел заткнуться.

А я сказал:

– В моем доме никто не заставит меня замолчать. Это я могу попросить вас уйти. Вы не имеете права мне приказывать. Но я не стану вас прогонять, у меня еще есть вопросы. Пожалуйста, не сердитесь. Ведь вас зовут Шанти Сагар – океан покоя и тишины. Вы могли бы стать хотя бы маленьким озером? И не стоит сердиться на ребенка.

Не дожидаясь, пока он успокоится, я обратился к бабушке, которая теперь уже не могла удержаться от смеха:

– Ну что, нани? Спросить его еще о чем-нибудь или про-

сто выгнать?

Конечно, я задал этот вопрос не деду, потому что это был его гуру. Но бабушка сказала:

– Спроси его, о чем хочешь. Если он не сможет ответить – вон дверь, она открыта.

Я очень любил эту женщину. Именно она сделала из меня бунтаря. Даже дед был потрясен тем, что она тогда меня поддержала. Этот так называемый Шанти Сагар, как только понял, что бабушка на моей стороне, тут же замолчал. На самом деле, не только бабушка была за меня, но к тому времени уже вся деревня с интересом следила за развитием событий. Бедный монах остался в полном одиночестве.

Я задал еще несколько вопросов. Я спросил:

– Вы говорили, что нельзя верить тому, что не было познано на личном опыте. Мне кажется это верным, и вот мой вопрос...

Джайны верят в существование семи кругов ада. С шестого круга еще можно вернуться, но, попадая на седьмой, вы остаетесь там навсегда. Возможно, седьмой – это христианский ад, потому что христиане говорят, что, попав в ад, вы не выберетесь из него никогда.

– Так вот, – продолжал я, – вы рассказали о семи кругах ада. А сами-то вы были на седьмом круге? Ведь если бы вы туда попали, вас бы сейчас здесь не было. А если вы туда не попадали, то как вы можете утверждать, что он существует? Вернее было бы сказать, что есть шесть кругов ада, а не семь.

Впредь будьте точнее в своих проповедях, говорите, что существует всего шесть кругов. А если вы все же настаиваете на существовании седьмого, то докажите мне, что по крайней мере один человек – Шанти Сагар – оттуда вернулся.

Он был озадачен. Он не мог поверить, что этот вопрос задал ребенок. Сейчас я сам не могу в это поверить! Неужели я задал такой вопрос? У меня есть только одно объяснение: я был необразован и абсолютно ничего не знал. Знание делает людей умными и хитрыми. А я был простодушен. Я спросил о том, о чем мог бы спросить любой ребенок, если бы до этого ничему не учился. Образование – это величайшее преступление, совершаемое против несчастных малышей. Возможно, мир станет по-настоящему свободным, когда мы, наконец, перестанем навязывать детям мертвые знания.

Я был абсолютно невинным ребенком, у меня не было никаких познаний. Я не умел ни читать, ни писать и считал только на пальцах. Даже сейчас, если пропущу палец, когда считаю, тут же сбиваюсь. Тот монах не мог ответить на мой вопрос. Бабушка встала и сказала:

– Тебе все же придется ответить. Не думай, что это интересно только нашему малышу. Я тоже хочу знать, а я – хозяйка этого дома.

Мне вновь нужно пояснить вам кое-что об учении джайнов. Когда джайнский монах приходит в чей-то дом и там его угощают, то после трапезы в знак благодарности монах читает проповедь. И эта проповедь адресована хозяйке. В тот

день бабушка так и сказала:

– Я здесь хозяйка. И я присоединяюсь к вопросу внука. Ты когда-нибудь был в аду? Если нет, то признайся честно и не говори потом, что существует семь кругов ада.

Монах был смущен и подавлен, особенно после выступления этой прекрасной женщины. Он стал пробираться к выходу. Но нани воскликнула:

– Стой! Куда ты? А кто ответит на вопрос моего мальчика? У него еще есть о чем спросить! Что ты за человек? Бежишь от детских вопросов?!

Монах остановился. Тогда я сказал:

– Ладно, забудем про этот вопрос. Он и на первый мой вопрос не ответил. Лучше я задам ему еще один, может, сейчас ему повезет, и он сможет хоть что-то сказать.

Монах взглянул на меня, и я сказал:

– Если вам хочется меня рассмотреть, смотрите мне прямо в глаза.

Наступила тишина, никто не проронил ни слова. Монах отвел взгляд, а я сказал:

– Я не буду задавать третий вопрос. Первые два остались без ответа, а третий я не буду задавать, мне не хочется позорить нашего гостя. Я ухожу.

И я ушел и был ужасно рад, что бабушка пошла за мной.

Дедушка остался, чтобы проститься с монахом. Но как только тот ушел, дед вбежал в дом и накинулся на бабушку:

– Ты что, с ума сошла? Сначала ты вступилась за маль-

чишку, от которого одни неприятности, а потом еще и пошла за ним, даже не попрощавшись с Учителем!?

– Он не мой Учитель, – ответила нани. – Так что мне все равно. А тот, кого ты считаешь отъявленным хулиганом, – это семя, и никто не знает, что из него вырастет.

Сейчас я уже знаю, что выросло из того семени. Человек не может стать буддой, не будучи настоящим нарушителем спокойствия. А я – не просто будда, как Гаутама Будда. Это было бы слишком традиционно. Я – Зорба Будда. Во мне сливаются Восток и Запад. На самом деле я не разделяю мир на Восток и Запад, на большое и маленькое, на мужчин и женщин, на хорошее или плохое, на бога или дьявола. Нет, тысячу раз нет! Я ничего ни на что не делю. Наоборот, я соединяю все, что было разделено. Такова моя работа.

То событие чрезвычайно важно для понимания всей моей жизни, потому что если вы познали семя, то сможете познать и древо, и его плоды, и даже луну, просвечивающую сквозь ветви.

С того самого дня я сопротивляюсь всему, что отдает мазохизмом. Конечно, это слово я узнал гораздо позже, но слова ничего не значат. Уже тогда я был против аскетизма, несмотря на то, что и слов таких не знал. Но я чувствовал запах чего-то отвратительного. Знаете, у меня настоящая аллергия на любые самоистязания. Я хочу, чтобы все люди жили полноценной жизнью. Довольствоваться малым – не для меня. Живите, берите от жизни все, а если сможете взять

больше – прекрасно. Давайте! Чего вы ждете? Не тратьте время на ожидания рая...

Кстати, я не против самоубийства. Если человек решает положить жизни конец, это его право. Я только против пожизненной каторги. Перед смертью тот монах, Шанти Сагар, сто десять дней ничего не ел. Здоровый человек вполне может прожить без еды девятьюстами дней, а очень крепкий – и того больше.

Запомните, я не был грубым с тем мужчиной. В той ситуации мои вопросы были абсолютно правомерны, возможно, еще и потому, что он не мог на них ответить. И как ни странно, с того самого дня я не только начал задавать вопросы, но и перестал получать на них ответы. Я встречал очень много так называемых духовных людей, но ни один из них не мог ответить на мои вопросы. В каком-то смысле то событие определило всю мою жизнь, ее особый аромат.

Шанти Сагар покинул наш дом в ярости. Я же, наоборот, был невероятно счастлив и не скрывал этого от деда. Я сказал ему:

– Нана, он может злиться сколько угодно, но я чувствую, что был прав. Твой гуру – серая личность. Тебе бы следовало выбрать в учителя кого-то более достойного.

Дед не мог удержаться от смеха.

– Возможно, ты и прав, но в моем возрасте не очень-то практично менять учителей. – И посмотрев на бабушку, добавил: – Ведь так?

Нани была верна себе:

– Никогда не поздно что-то менять. Если видишь, что принял неверное решение, выбери другое. Правда... поторопись, ты ведь уже не молод. Только не говори, что ты слишком стар. Это у молодых вагон времени, а у стариков его нет. Ты ведь не мальчик уже.

Дедушка умер лишь несколько лет спустя, но так и не решился найти нового гуру. Все шло как прежде. Бабушка часто подтрунивала над ним, говоря:

– Когда же ты поменяешь своего гуру и свои взгляды?

А он отвечал:

– Скоро, конечно, уже скоро.

Однажды бабушка сказала ему:

– Прекрати нести чушь! Если не изменишься прямо сейчас, то не сделаешь этого никогда. Хватит с меня пустых обещаний. Ты либо меняешься, либо нет. Только не нужно врать.

Эта женщина могла бы стать невероятно влиятельным человеком. Роль домохозяйки была явно не для нее. Она не должна была жить в этой маленькой деревушке. Весь мир мог бы слушать ее, затаив дыхание. Возможно, я делаю то, что предназначалось ей. Может быть, я стал ее продолжением. Она любила меня так сильно, что была мне роднее матери. Я всегда считал нани своей настоящей мамой.

Только ей я мог сознаться в каких-то дурных поступках. Только ей, больше никому. Я безмерно ей доверял. Я мог

поведать ей все свои тайны, потому что однажды я осознал одну вещь: нани меня понимает.

Мне кажется, что в тот день, когда я задавал монаху-джайну странные, неприятные, раздражающие вопросы, я не делал ничего плохого. Возможно, ему это было даже полезно. Может быть, в один прекрасный день он все поймет. Если бы у него хватило духу, он понял бы все уже тогда, но он оказался трусом и попросту сбежал. С тех пор это стало для меня привычным. Так называемые махатмы или святые – все оказываются малодушными лжецами. Еще ни разу я не встречал махатму – индуистского, исламского, христианского или буддийского, – про которого можно было бы сказать, что он обладает по-настоящему мятежным духом. Но если ты не бунтарь, ты не религиозен. Мятеж – вот истинная основа любой религии.

* * *

Нана был для меня не просто дедушкой, отцом матери. Трудно объяснить, кем он для меня был. Он называл меня «Раджа», что значит «царь». И в течение семи лет он делал все, чтобы я действительно жил по-царски. На мой день рождения он приводил из ближайшего города слона... В те дни в Индии слоны были только у двух сословий – у царей и священнослужителей, – потому что содержание слона, корм и уход за ним стоили очень дорого. Священники могли

себе это позволить, так как у них было множество прихожан, которые жертвовали средства не только для них самих, но и для их животных. Неподалеку от нашей деревни жил один такой святой, у которого был слон. Дедушка договаривался с ним, и на мой день рождения слона приводили к нам. Нана усаживал меня сверху, а по бокам вешал два мешка с серебряными монетами.

Когда я был маленьким, в Индии не было бумажных денег. Вместо рупий люди расплачивались серебром. Дедушка набивал деньгами два огромных мешка, вешал их на слона, и я катался по деревне, разбрасывая монеты во все стороны. Так мы отмечали мои дни рождения. Однажды я ехал впереди, а он сзади на телеге, запряженной буйволом. Телега тоже была полна денег. Он ехал и кричал: «Не скупись. У меня еще много. Бросай, не жалея».

Он всеми силами пытался внушить мне мысль, что я королевских кровей.

* * *

В разлуке есть своя поэзия. Человеку просто нужно выучить ее язык и однажды испить эту чашу до конца. Тогда горечь сама по себе превратится в радость... невероятно, но факт. Я понял это, когда умер мой нана. То была окончательная разлука. Мы больше никогда не встретимся, но в этом есть особая прелесть. Он был стар. Похоже, у него не

выдержало сердце. Он болел, но мы не знали чем, потому что в деревне не было ни врача, ни аптеки, ни хотя бы просто лекарств. Мы так и не узнали, от чего он умер, но думаю – от сердечного приступа.

Когда он уходил, я наклонился к нему и спросил:

– Нана, может быть, ты скажешь мне что-то на прощание? Каким будет твое последнее слово? Дай мне что-нибудь, что напоминало бы мне о тебе.

Он снял с пальца кольцо и вложил в мою руку. Сейчас то кольцо у кого-то из *саньясинов*², я его кому-то подарил. Оно всегда было для меня мистическим. Дедушка никому не разрешал его рассматривать, хотя сам частенько это делал. Кольцо было с боковыми стеклышками, чтобы заглядывать внутрь. Сверху был бриллиант, а по бокам – прозрачные стекла, как будто окошки.

Он никому не позволял смотреть через них, и никто не знал, что он там видит. Оказывается, внутри было изображение Махавиры, джайнского *тиртханкары*, очень красивая крохотная статуэтка. Стеклышки были увеличительными, и сквозь них статуя казалась огромной.

Со слезами на глазах дедушка сказал:

– Мне нечего тебе больше дать, потому что все остальное когда-нибудь станет тебе не нужно. Я могу оставить тебе

² Обычно саньясином считается духовный искатель, отрекшийся от мира, но Ошо называет этим словом тех, кто остается в мире и пытается привнести в жизнь медитацию и просветление. – Примеч. ред. англ. изд-я.

только мою любовь к тому, кто познал себя.

И хотя кольца у меня уже нет, но я выполнил его желание. Я тоже познал себя... самого себя. Какая разница, кто там, в кольце, и познал он себя или нет? Но мой бедный дедушка любил своего Учителя, Махавиру, и передал мне свою любовь. Я с огромным почтением отношусь к его любви к Учителю и ко мне. Последними его словами было:

– Не волнуйся, я не умру.

Мы все ждали, скажет ли он еще что-нибудь, но он больше уже ничего не произнес. Его глаза закрылись навсегда.

Я все еще помню, какая наступила тишина. Было слышно, как телега, запряженная буйволами, катится вдоль реки и тихонько поскрипывает. Я помню каждую мелочь. Я ничего не сказал, потому что не хотел тревожить бабушку. А она тоже молчала. Через некоторое время я стал волноваться за нее и произнес:

– Скажи что-нибудь, не молчи. Это невыносимо.

Можете себе представить – она запела! Так я понял, что смерть может стать праздником. То была песня, которую она пела, когда влюбилась в моего дедушку.

И это тоже очень много значит. Тогда, девяносто лет назад, в Индии она осмелилась влюбиться. Она вышла замуж в двадцать четыре года. Большая редкость!

Однажды я спросил у нее, как ей удалось так долго не выходить замуж. Она была очень красивой... Как-то я пошутил, что сам царь Чхаттерпура, правитель того штата, в ко-

тором находится Каджурахо, мог бы предложить ей руку и сердце.

А она улыбнулась и произнесла:

– Удивительно, что ты говоришь об этом, потому что так оно и было. Но я ему отказала, и не только ему, но и многим другим.

В те дни девочек выдавали замуж, когда им было семь лет, самое большее девять. Просто потому что люди боялись любви... Еще совсем немного, и девочка может влюбиться. Но отец моей бабушки был поэтом, его песни до сих пор поют в Каджурахо и в его окрестностях. Он сказал, что выдаст дочь замуж только тогда, когда она сама этого захочет. Судьбе было угодно, чтобы она влюбилась в моего дедушку.

Тогда я спросил:

– Странно, что ты отказала самому царю и вышла замуж за бедняка. Ради чего? Он не был таким уж красавцем или каким-то выдающимся человеком. Что ты в нем нашла? За что ты его полюбила?

А она сказала:

– Тут ты не прав. Влюбляются не «за что-то». Я просто увидела его и все. Я увидела его глаза и ощутила внутри глубокую веру, которая ни разу не пошатнулась.

Потом я спросил дедушку:

– Нани сказала, что влюбилась в тебя. Это я понимаю, но ты, почему ты решил жениться на ней?

– Я не поэт и не мыслитель, – ответил он, – но я умею

ценить красоту.

В жизни я не видел женщины прекраснее моей нани. Я сам был влюблен в нее и любил ее всю жизнь. Она умерла в восемьдесят лет. Когда это случилось, я вошел в дом и увидел ее лежащей на постели, мертвой. Все ждали только меня: перед смертью она велела не сжигать ее тело до тех пор, пока я не приеду. Она хотела, чтобы именно я разжег погребальный костер. Вот меня и ждали. Я вошел и приподнял простыню, покрывавшую ее лицо... она была такая красивая! Еще прекраснее, чем в жизни, потому что теперь ее лицо озарял покой. Покой, который не могли нарушить ни дыхание, ни какие-либо земные страдания. Она была сама безмятежность!

Разводить огонь под ее совершенным телом стало для меня настоящей мукой. Мне казалось, что я сжигаю неземное творение Леонардо или Винсента Ван Гога. Бабушка была для меня важнее самой Моны Лизы и прекраснее Клеопатры. Я нисколько не преувеличиваю. Для меня она была воплощением красоты! Благодаря ей я стал тем, кто я есть. Она всеми силами пыталась мне помочь. Без нее я сейчас был бы, наверное, лавочником, врачом или инженером.

Мой отец был бедным, и у него не было денег на мое обучение. Но когда настала пора сдавать вступительные экзамены, он настоял на том, чтобы я поступил в университет. Он был готов одолжить любую сумму, лишь бы я учился. Я тоже хотел учиться, но только не на врача и не на инженера.

Я попросту отказался поступать на медицинский или технический факультет. Я так и сказал отцу:

– Если честно, я хочу быть странствующим саньясином.

– Кем!? Бродягой? – воскликнул он.

– Да, – сказал я. – Я хочу поступить на философский, чтобы стать странствующим философом.

Отец был категорически против.

– В таком случае я не стану занимать для тебя денег. Все равно никакого толку, – заявил он.

Бабушка же сказала:

– Не волнуйся, сынок. Давай, учись, чему хочешь. Я, слава богу, еще жива. Я продам все, что у меня есть, только бы ты оставался самим собой. Мне все равно, куда ты поступишь и чему будешь учиться.

Она действительно ни разу не спросила меня о моей будущей профессии, а только посылала мне деньги, даже тогда, когда я стал преподавателем и сам начал зарабатывать. Мне пришлось убеждать ее, что теперь уже я должен помогать ей деньгами.

Но она настаивала:

– За меня не волнуйся, мне деньги ни к чему. Ты уж лучше потрать их на что-нибудь стоящее.

И я тратил их на книги. Все вокруг удивлялись, откуда у меня столько денег. Я покупал книги кучами. Даже когда учился в старших классах, мой дом был завален книгами. Их было полно, и все только и гадали, где я беру деньги. Но

бабушка меня предупредила:

– Никому не говори, что эти деньги от меня. Если твои родители узнают, то тоже начнут просить, а я не смогу им отказать.

И она давала деньги только мне. Представляете, даже в тот месяц, когда она умерла, я получил от нее очередную сумму. Утром, в день ее смерти, она подписала чек. Самое удивительное, что это были последние деньги на ее счету. Похоже, она знала, что «завтра» для нее никогда не наступит.

Я счастливый человек во многих отношениях, но больше всего мне в жизни повезло с бабушкой и дедушкой... у меня было по-настоящему золотое детство.

Мятежный дух

Сколько я себя помню, я любил только одну игру – спор. Я спорил по любому поводу. Мало кто мог со мной тягаться, а уж понять – об этом и вовсе речи не было.

Учеба в школе меня никогда не интересовала. Школа для меня была худшим местом. В конце концов, меня заставили туда ходить, но я сопротивлялся, как мог. Моим одноклассникам было неинтересно то, что волновало меня, а их увлекало то, что меня вообще никак не трогало. Я чувствовал себя чужим.

Меня по-прежнему интересовало одно: я стремился познать истину, смысл жизни, понять, для чего я живу. Что ес-

ли бы вместо меня жил кто-то другой? Я знал, что не успокоюсь, пока не найду ответы на свои вопросы и не дам покоя никому вокруг.

1939–1951. Гадавара, Мадья-Прадеш, Индия

Смерть дедушки стала моей первой встречей со смертью. И не просто встречей, а чем-то неизмеримо большим. Если бы это было просто первым столкновением, я упустил бы ее истинный смысл. Но я увидел не только смерть, а и то, что никогда не умирает. Оно парило над телом, медленно покидая его... то была чистая стихия. Этот опыт определил всю мою дальнейшую жизнь. В тот день я обрел свой путь или, скорее, открыл для себя пространство, о котором прежде ничего не знал.

Я слышал, как другие говорили о смерти, но сам ее никогда не видел. Даже если бы и видел, то это ничего бы для меня не значило. Только если теряешь любимого, очень близкого человека, то можешь понять, что такое смерть на самом деле. Я хочу это подчеркнуть: смерть можно познать только тогда, когда умирает тот, кого любишь.

Когда любовь соединяется со смертью, происходит трансформация, такое невероятное преобразование, словно рождаешься заново. И тебе уже никогда не стать прежним. Но люди не умеют любить. Они не способны воспринимать смерть так, как ощутил ее я. Без любви смерть не раскроет перед

тобой тайну бытия. Но если любишь, и любишь по-настоящему, то смерть станет для тебя ключом ко всему сущему.

Моя первая встреча со смертью была не простым событием. Во многих отношениях. Умер человек, которого я любил всем сердцем. Я считал его своим отцом. Он воспитал меня в духе абсолютной свободы. Он меня никогда не сдерживал, никогда не осуждал и не наказывал...

Любовь и свобода! Если они у тебя есть, ты чувствуешь себя на вершине мира. Вот настоящий рай – любовь и свобода одновременно. Обладая любовью, ты крепко стоишь на земле. Свобода же дает тебе крылья.

Дедушка дал мне и то, и другое. Он любил меня больше всех на свете. Он никого так не любил, ни свою дочь, ни даже мою бабушку. И он давал мне свободу – величайший дар из всех. Умирая, он подарил мне кольцо и со слезами сказал:

– Мне нечего тебе больше дать.

– Нана, ты уже подарил мне самое ценное, что может быть, – ответил я.

Он открыл глаза и спросил:

– Что же?

– Разве ты не помнишь? – улыбнулся я. – Ты подарил мне любовь и свободу. Наверное, ни одному ребенку не давали столько свободы, как мне. Чего же еще мне хотеть? Мне больше ничего не нужно. Благодарю тебя от всего сердца. Ты можешь уйти спокойно.

Моя первая встреча со смертью была прекрасной. Для большинства детей во всем мире смерть – это что-то ужасное. Я же воспринял ее совершенно иначе. К счастью, я много времени проводил у дедушкиной постели, когда он болел. Он медленно угасал. Я чувствовал, как смерть постепенно окутывает его – я слышал поступь ее величественного безмолвия.

Мне повезло еще и в том, что рядом была нани. Возможно, без нее я упустил бы всю красоту момента, ведь любовь и смерть всегда рядом... может, это вообще одно и то же. Она любила меня. Я купался в ее любви. И в то же время мы ясно ощущали приближение смерти. До сих пор слышу скрип той телеги, запряженной буйволами... Эти звуки так глубоко запечатлелись в моей памяти, что, кажется, они останутся со мной навсегда. Может быть, когда я буду умирать, я вновь услышу этот скрип.

Нани держала меня за руку, я затаил дыхание. И хотя я не понимал, что происходит, я чувствовал, что вот-вот случится что-то очень важное. Я держал голову дедушки на коленях, а руками касался его груди и ощущал, как медленно, очень медленно угасает его дыхание. Когда его грудь стала совсем неподвижной, я сказал бабушке:

– Нани, кажется, он не дышит.

Она ответила:

– Все в порядке, не бойся. Он прожил хорошую жизнь. Лучшего и желать нельзя.

И добавила:

– Запомни: никогда не желай большего. Всегда достаточно того, что есть. Прошу тебя, не забывай об этом.

* * *

Первые семь лет – самые важные в жизни. Никогда больше у человека не бывает стольких возможностей. В эти семь лет решается, какими станут остальные семьдесят. В этом возрасте закладывается самая основа личности. И по странному стечению обстоятельств судьба уберегла меня от моих родителей. Когда я вновь переехал в их дом, я уже был самостоятельным и независимым. Я научился летать. Я знал, что у меня есть крылья, и чтобы взлететь, мне не нужна ничья помощь. К тому времени в моем распоряжении было все небо.

Я никогда с ними не советовался, и даже если они и учили меня чему-то, я никогда их не слушал. Я говорил: «Это оскорбительно. Неужели вы считаете, что я сам не справлюсь? Я понимаю, что нет ничего плохого в том, что вы хотите меня чему-то научить, за это я вам благодарен, но вы не понимаете одного: я могу это сделать сам. Дайте мне возможность себя проявить. Просто не мешайте».

В те семь лет я стал настоящим индивидуалистом. Никто не мог навязать мне свое мнение.

Лавка моего отца находилась на первом этаже дома, в котором мы жили. В Индии так всегда: дом и магазин располагаются в одном месте, чтобы легче было управлять. По дороге домой я проходил лавку, закрыв глаза.

Отец как-то сказал:

– Странный ты какой-то. Все время проходишь лавку, зажмурившись. Здесь идти-то нечего, метра четыре от силы. Это что, ритуал какой-то особый?

– Что-то в этом роде, – ответил я. – Не хочу, чтобы эта лавка погубила меня так же, как тебя. Вот я и закрываю глаза. Мне вообще все равно, что здесь происходит, абсолютно неинтересно!

Надо сказать, что это была одна из лучших суконных лавок в городе. Там продавались самые красивые ткани. Но я никогда не смотрел по сторонам. Просто зажмуривался и шел дальше.

– Но тебе не обязательно закрывать глаза, здесь нет ничего плохого, – возразил отец.

– Кто его знает, – ответил я. – Все это отвлекает, а я не хочу отвлекаться.

Я был старшим сыном, и отец, естественно, хотел, чтобы я ему помогал. Он мечтал о том, что я выучусь, вернусь обратно и возьму управление лавкой на себя. Сам он справлялся неплохо. Постепенно лавка становилась все больше и боль-

ше.

– Кому я все это оставлю, как не тебе? Я уже не молод. Что же, мне вечно стоять за прилавком? – порой говорил он.

А я отвечал:

– Нет, я не стану управляющим. Ты ведь можешь передать дела кому-нибудь другому. У меня есть младшие братья. Они уже давно положили глаз на твой магазин, вот только боятся, что ты все оставишь мне. Я уже говорил им, что меня опасаться не нужно. Я им не конкурент. Отдай лавку им.

Но в Индии традиционно наследником становится старший сын. Мой отец сам был старшим, поэтому магазин достался ему. И все, чем он владел, должно было перейти ко мне. Естественно, он беспокоился. Как только он ни пытался меня уговаривать! Но у него ничего не вышло.

Он говорил: «Даже если ты станешь врачом, ты за месяц не заработаешь столько, сколько я за один день. А сколько ты будешь получать как инженер? Даже если станешь профессором... Да любой профессор с радостью согласился бы у меня работать. Их теперь как собак нерезанных – этих ученых-академиков, и все они без работы».

Сначала он уговаривал меня не поступать в университет, потому что боялся, что за шесть лет я стану совсем чужим и буду жить где-нибудь далеко от дома. Тогда он никак не сможет меня воспитывать. Он и так жалел, что они с матерью отправили меня на целых семь лет к бабушке с дедушкой.

Но я ему сказал:

– Ты не бойся. То, чего ты боишься, уже случилось. Там у меня была хорошая школа! Те семь лет... Ни одному университету меня не испортить. Я и так уже испорчен хуже некуда, совсем от рук отбился. Все твои уговоры – уважение, деньги, положение в обществе – все это для меня ничего не значит. Не волнуйся, я не собираюсь становиться ни врачом, ни инженером. Я хочу всю свою жизнь быть бродягой.

– Час от часу не легче! – воскликнул он. – Уж лучше бы ты стал врачом или инженером. Но бродягой? Это что за новая профессия такая? Хватило же мозгов додуматься – бродягой! Да бродягам самим стыдно, когда их так называют. А ты своему родному отцу говоришь, что хочешь всю жизнь бродяжничать.

– Да, хочу, – ответил я.

Тут он вновь на меня накинулся:

– Тогда зачем тебе университет?

– А я хочу быть ученым бродягой, не тем бродягой, который скитается потому, что больше ничего не умеет, вот и скитается от безделья. Нет, я хочу быть другим бродягой. Сначала я хочу доказать миру, что могу быть кем угодно. Я просто хочу бродяжничать, но не из-за слабости характера, а из-за силы. Тогда меня будут уважать, даже если я – бродяга. Ведь уважают не за профессию или деньги, а за силу духа, четкость мысли и житейскую мудрость, – ответил я. – Пойми правильно: я хочу учиться в университете не для того, что-

бы потом найти хорошую работу. Я рожден не для этих глупостей. В мире так много людей, которые готовы ими заниматься. Но вот образованных, мудрых и утонченных бродяг просто нет. А они нужны. Нищих-то полно, только все они – люди третьего сорта, попросту неудачники. Сначала я хочу стать очень успешным и только потом послать все к черту и стать странствующим философом.

Отец сказал:

– Не понимаю я твоей логики, но раз уж ты решил стать бродягой, тут ничего не поделаешь.

Те семь лет... он снова и снова повторял: «Эта была наша самая большая ошибка. Уж мы-то сделали бы из тебя человека. Но эти старикашки тебя вконец испортили».

После смерти наны бабушка уехала из деревни. Ее сердце было разбито. Я повидал много супружеских пар, когда путешествовал по Индии. Я жил в самых разных домах и видел их семейную жизнь изнутри, но ни разу не встречал мужа и жену, хоть чем-то похожих на моих стариков. Они действительно любили друг друга. То была настоящая любовь.

Бабушка переехала в город, в котором жил мой отец, однако она предпочла жить отдельно. Она не любила всех этих шумных родственников: братьев моего отца, их жен, детей – целая толпа. «Мне тут не место, – сказала она. – Всю свою жизнь я прожила с мужем в тишине, не считая, конечно, тех семи лет, что ты был у нас. А так, мы не слишком много разговаривали... как-то было не о чем. Чаще всего мы просто

сидели рядом и молчали». Она сказала: «Я хочу жить одна». И ей подыскали дом возле реки. Там было так же тихо и уютно, как в той деревне, в которой она жила вместе с дедом. В городе у нас не было озера, зато река была очень красивой.

Целыми днями я то пропадал в школе, то бродил по городу, то был занят какими-то делами, но ночевать я приходил к нани. Много раз она говорила:

– Твои родители, должно быть, обижаются. Мы забрали тебя на целых семь лет, и теперь они не могут нам этого простить. Мы-то думали, что должны вернуть тебя таким же нетронутым, каким ты был, когда к нам приехал. Мы не хотели тебе ничего навязывать. А они сердятся. Не говорят об этом, но я-то чувствую. Да и все вокруг считают, что мы тебя испортили. А теперь ты ночуешь не дома, с мамой и папой, а каждый вечер приходишь ко мне. Они наверняка думают, что я продолжаю тебя портить. Старик, мол, умер, но старуха-то жива.

– А ты сможешь уснуть, если я не приду? – отвечал я. – Для кого ты каждый вечер расстилаешь вторую постель? Я ведь даже не говорю, что приду. Я никогда не знаю, что будет завтра, да и кто вообще знает? Зачем ты стелешь вторую кровать?

У меня была давняя привычка. Позже моему психологу удалось меня от нее избавить, но на это ушло года два, а то и три. С самого детства, сколько себя помню, я любил есть сладкое перед сном. Иначе просто не мог уснуть. Бабушка не

только готовила мне постель, но и заранее покупала все, что я любил. Сласти она ставила рядом с моей кроватью, чтобы я мог поест в любую минуту, даже среди ночи, если мне захочется.

Я спрашивал у нее:

– Для кого ты все это покупаешь? Ты ведь не ешь сладкого с тех пор, как умер нана.

Дедушка очень любил сласти. Скорее всего, это он меня к ним приучил, он всегда съедал что-нибудь вкусненькое перед сном. У джайнов так не принято. Они не едят на ночь, не пьют ни воды, ни молока. Но в нашей деревне был только один джайн – мой дед, поэтому у него не было проблем. Возможно, это он меня приучил. Когда он ел, то и меня звал. Постепенно это вошло в привычку. Конечно, целых семь лет мы ели сладкое перед сном!

Я не хотел ночевать дома по двум причинам. Во-первых, дома сладкого не давали. Там было слишком много детей. Угощаешь одного, все остальные тут же начинают просить. К тому же просить было запрещено религией. А я никак не мог заснуть без чего-нибудь сладкого.

Во-вторых, я чувствовал, что моей нани одиноко. В родительском доме было слишком много народу, прямо как на базаре. И я думал: «Никто и не заметит моего отсутствия». Это правда, никто по мне не скучал. Родители знали, что я ночую у нани, и не волновались.

Поэтому и после семи лет жизни в деревне я был свободен

от родительских нравоучений. Так уж вышло, что с самого детства я был предоставлен сам себе. Правильно я поступал или нет, никого не волновало. Я просто вел себя, как хотел. Постепенно это стало моим образом жизни. И так было во всем – например, в одежде.

В городе я был единственным немусульманином, одевавшимся, как мусульманин. Отец говорил:

– Ты можешь делать все, что угодно, но прошу тебя, не одевайся ты так. Все на нас смотрят! Подумай о своих братьях и сестрах. Что за бредовая идея взбрела тебе в голову!?

В моем городе вместо индийской одежды *дхоти* мусульмане носили своего рода пижамы – *шальвары*. Такую одежду носят пуштуны в Афганистане и Пакистане – далеких странах за Гималаями. Этот наряд хоть и похож на обычную пижаму, но гораздо красивее и богаче, на нем много складок. Из настоящих шальвар можно сшить десяток пижам. Аккуратно подобранные складки придают шальварам особую прелесть. Кроме того, я носил пуштунскую куртку. В Индии куртки короткие, и рукава у них тесные. А у пуштунских курток рукава свободные и длинные, а сама куртка доходит почти до колен. Наконец, я носил турецкую феску.

Отец говорил мне:

– Ты все равно проходишь по лавке, зажмурившись. Почему ты не пользуешься задней дверью?

Он говорил:

– У нас есть черный ход, через него и ходи, избавь меня от

необходимости отвечать на вопросы любопытных покупателей. Они вечно интересуются, кто этот мусульманин, что ходит тут с закрытыми глазами. Это же надо такое придумать! У нас магазин одежды, тут полно всего. Ты мог бы выбрать лучшее. Зачем ты ходишь, как мусульманин?

В Индии считается, что нет ничего хуже исламского наряда. Я говорил отцу:

– Именно потому, что все думают, что это ужасно. А я доказываю обратное: исламская одежда прекрасна. Так и есть, куда бы я ни пошел, все смотрят только на меня: в классе и на улице. На других вообще не смотрят, а меня замечают.

А как я носил этот наряд!.. Он был воистину роскошным, особенно феска – такая вытянутая шапочка с кисточкой сбоку. Только богачи могли позволить себе носить такой головной убор. Тогда я был еще маленьким, но моя одежда приносила мне огромную пользу.

Я мог, например, спокойно зайти в городскую управу. Солдат, охранявший ворота, видя меня в таком наряде, обычно говорил: «Проходите»... Иначе меня, мальчишку, никуда бы не пропустили. Возможно, солдат думал: «Так одет! Должно быть, шейх или сынок какой-нибудь важной шишки». При виде моей одежды даже комиссар³ вскакивал с кресла и говорил: «Шейх-джи, *бетъе*» – «Присаживайтесь, достопочтенный шейх».

³ Торговый уполномоченный, официальный представитель Великобритании в доминионах. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Я говорил отцу:

– Эта одежда мне очень помогает. Вот, например, недавно я ходил к министру. Он подумал, что я шейх из какой-нибудь богатой арабской или персидской семьи. А ты хочешь, чтобы я носил *джохти* и куртку. Да меня вообще не будет видно!

Я так и ходил до самых вступительных экзаменов. Родители изо всех сил пытались меня переубедить, но чем сильнее они настаивали, тем... Я им говорил:

– Когда вы от меня отстанете, может быть, я и сменю наряд, но пока вы не уговоритесь, я буду одеваться только так.

Однажды отец взял мои шальвары, куртки и три моих фески, отнес в подвал и спрятал там среди кучи ненужного хлама. А я, не найдя своей одежды после душа, так и вышел голым. Зажмурился и пошел себе через лавку. Иду и слышу, как отец кричит:

– Стой! Вернись! Оденься, бесстыдник!

А я сказал:

– Верни мне мою одежду.

– Никогда не думал, что ты на такое способен. Я-то думал, ты будешь искать свои вещи и не сможешь их найти. Ведь я спрятал их в надежном месте. Тогда ты, наконец, начнешь одеваться нормально. Никак не думал, что будешь разгуливать голым.

– Предпочитаю не говорить, а действовать, – ответил я. – Пустые разговоры ни к чему.

Я даже ни у кого не спросил, где мои вещи. А зачем спра-

шивать? Можно ходить голым, и тебя тоже будут замечать. Отец сказал:

– Ладно, забирай свою одежду. Только голым не ходи, это еще хуже. Что люди подумают? «У его отца магазин одежды – а он, видите ли, голым разгуливает. Куда его отец смотрит?» О тебе уже и так дурная слава идет, а ты еще хочешь и меня в грязь втоптать? «Посмотрите, мол, бедный ребенок!» Все подумают, что я не могу одеть тебя как следует.

Так все и продолжалось. Я не упускал случая отточить свою смекалку. При любой возможности я пытался найти что-то новое, необычное, проявить свою индивидуальность. Теперь, когда отдельные фрагменты складываются в общую картину, вам легче представить мой внутренний мир. Окружающие просто не в состоянии были понять, что я за человек – какой-то сумасбродный чудака, – но я делал все это умышленно и целенаправленно.

* * *

Я сказал отцу: «Нет». Это было первое, что я сказал у входа в начальную школу:

– Нет, не хочу туда идти. Это не школа, это тюрьма.

Сами ворота, цвет здания... Так странно, но в Индии школы и тюрьмы строят из одинакового красного кирпича и красят в одинаковый цвет. Очень трудно разобраться, где школа, а где тюрьма. Может быть, кто-то умный просто так по-

шутил? Ему это удалось!

Я сказал:

– И это называется школой? Посмотри на эти ворота! Ты хочешь упечь меня сюда на целых четыре года!?

Отец сказал:

– Этого-то я и боялся...

Мы стояли у ворот, не во дворе, а снаружи, потому что я упирался и не хотел идти внутрь.

– Я всегда боялся, – продолжил отец, – что дед и, главное, эта женщина окончательно тебя испортят.

– И правильно боялся, – ответил я. – Но сделанного не воротишь. Прошу тебя, пойдем домой.

– Что? – воскликнул он. – Ты должен учиться.

– Да уж, вот все и началось, – сказал я. – Меня уже лишают права выбора. И это называется учебой? Если тебе так хочется, то возьми меня за руку и ни о чем не спрашивай. Просто втащи меня во двор. По крайней мере, я хоть буду думать, что учусь в этом ужасном заведении не по собственной воле. Пожалуйста, сделай это для меня.

Конечно, отец очень расстроился, но все же затащил меня внутрь. И хотя он был человеком простым, тем не менее, понимал, что поступает неправильно.

– Как-то не по-людски тащить куда-то собственного сына, – грустно произнес он.

– Не переживай, – сказал я. – Ты поступил верно. Сам бы я никогда не пошел учиться, меня все равно пришлось

бы тянуть силком. Если бы я принимал решения, то я бы сказал: «Нет». Но ты – мой отец, ты можешь решать за меня, потому что ты даешь мне еду и одежду, я живу в твоём доме. Естественно, у тебя – все преимущества.

С поступлением в школу моя жизнь стала совершенно иной. До этого я довольно долго жил подобно дикому животному. Да, да, не могу назвать себя диким человеком, потому что диких людей не бывает.

Очень редко на земле появляются дикие люди. Теперь я стал одним из них. Такими были Будда, Заратустра, Иисус. Но моя жизнь в деревне действительно была похожа на жизнь дикого животного.

В школу я ходил не по своей воле, и я рад, что меня тащили туда насильно. Я сам никогда не стал бы ходить в школу. То было действительно кошмарное место. Да все школы ужасны. Было бы здорово, если бы мы могли детей учить, а не образовывать. Любое образование отвратительно.

Как вы думаете, кого я увидел в школе первым? Конечно, своего будущего учителя. В жизни я встречал много разных людей: и красивых, и уродливых, но такого я не видел никогда: ни до, ни после школы! Он был преподавателем и собирался меня чему-то учить. А я не мог даже взглянуть на него. Должно быть, бог очень торопился, когда создавал такое лицо. Наверное, ему приспичило – он быстро слепил что-то непотребное и убежал. В итоге получился полнейший кошмар! У этого человека были только один глаз и нос крюч-

ком. Хватило бы и одного глаза, но нос делал его лицо по-настоящему безобразным. Он был просто огромным! И весил, наверное, килограммов сто пятьдесят, не меньше.

Таким был мой первый учитель – точнее, преподаватель. Даже сейчас, встретив его, я бы испугался. Знаете, он скорее напоминал коня, чем человека!

И вот этот первый учитель... Я, кстати, так и не знаю, как его звали на самом деле. Да и никто в школе не знал – я имею в виду детей. Мы прозвали его «учитель Кантар». Кантар по-индийски значит «одноглазый», но это еще и ругательство. Прямой перевод невозможен, слишком много нюансов. В общем, в лицо все обращались к нему «учитель Кантар», а за глаза звали просто Кантаром, «одноглазым».

Однако безобразным было не только его лицо. Что бы он ни делал, все было отвратительно. Разумеется, мой первый день в школе не мог пройти без скандала. Кантар безжалостно наказывал детей. Я никогда больше не слышал о подобных жестокостях по отношению к детям.

Это было на уроке арифметики. Я уже немного умел считать, бабушка потихоньку учила меня математике и чтению. И вот вместо того, чтобы слушать, я смотрел в окно на то, как солнце играет в ветвях чудесного фикуса. Никакое другое дерево так не сверкает на солнце, как фикус. Каждый листик дрожит в собственном танце, а все дерево превращается в неподобный ансамбль, состоящий из тысячи блестящих певцов и танцоров, и при этом каждый ведет свою партию. Я

глядел, как трепещет на ветру листва, как маленькие солнечные искорки отражаются в каждом листочке, как сотни попугаев прыгают с ветки на ветку, наслаждаясь жизнью. Еще бы, им ведь не нужно ходить в школу!

Я сидел и смотрел, и вдруг учитель Кантар прямо-таки набросился на меня.

– Нам стоит с самого начала прояснить некоторые вопросы, – прорычал он.

– Совершенно с вами согласен, – отозвался я. – Я бы тоже хотел прояснить некоторые вопросы.

– Почему же ты тогда смотришь в окно, когда я объясняю материал?

А я сказал:

– Арифметику нужно слушать, а не смотреть на нее. Я же не обязан рассматривать ваше прекрасное лицо, вот я и повернулся к окну. Что касается счета, то я все слышал. Спросите, и я вам отвечу.

Он вызвал меня к доске, и это было началом целой череды долгих неприятностей – не для меня, а для него. Дело в том, что я ответил все верно. Он не мог поверить и сказал:

– Прав ты или нет, но я тебя все равно накажу, потому как не положено на уроке смотреть в окно.

Он велел мне подойти к учительскому столу, а сам вынул из ящика коробку карандашей. Я уже был наслышан об этих знаменитых карандашах. Он вставлял их между пальцами ученика и затем, сильно сжимая ладонь малыша, спра-

шивал: «Ну что? Теперь все понятно? Хочешь еще?» И это с маленькими детьми!

Я посмотрел на карандаши и сказал:

– Я уже слышал про ваши карандаши, но прежде чем вы начнете свои пытки, запомните – это будет вам дорого стоить. Вас даже могут уволить.

Он рассмеялся. Это был суший монстр, скажу я вам, подобно чудовищу из ночного кошмара.

– Кто это может мне помешать? – ехидно спросил он.

– Не в этом дело, – спокойно сказал я. – Я только хочу спросить: разве это незаконно – смотреть в окно во время урока? Если к тому же я правильно ответил на ваши вопросы и повторил все, что вы говорили, слово в слово, то все равно нельзя смотреть в окно? Тогда зачем в классе окна? Все равно же целыми днями кто-то кого-то учит, а ночью тут никого нет, и смотреть в окно просто некому.

– Да ты отъявленный негодяй, – сказал Кантар.

– Это правда, – согласился я. – И сейчас я пойду к директору. Хочу узнать, законно ли наказывать меня после того, как я все правильно ответил.

Тут он немного смягчился. Я был удивлен, потому что слышал, что этого человека невозможно задеть.

Тогда я добавил:

– Потом я пойду к председателю городской управы, попечителю этой школы, а завтра приведу сюда комиссара полиции, и они увидят, какой здесь творится произвол.

Кантар вздрогнул. Никто этого не заметил, но я хорошо вижу то, что скрыто от глаз большинства людей. Порой я не вижу чего-то большого, но ни одна самая маленькая, самая микроскопическая деталь не ускользнет от моего взгляда.

– Вы дрожите, – сказал я, – хотя никогда в этом не признаетесь. Но мы еще посмотрим. Для начала я пойду к директору школы.

Я действительно отправился к директору, и он сказал:

– Я знаю, что он мучает детей. Это незаконно, но я ничего не могу поделать. Он здесь самый старый учитель, его учениками были почти все жители этого городка, их отцы и деды. Его все боятся.

– А мне наплевать, – сказал я. – Мой отец и мой дед тоже учились у него. Но мне все равно, у кого учились мои родители. На самом деле, это не моя семья. Я вырос далеко отсюда, так что здесь я чужой.

Директор кивнул:

– Я сразу понял, что ты не здешний. Мальчик мой, не нарывайся на неприятности. Он тебя замучает.

– Это будет непросто, – ответил я. – Я объявляю войну любым пыткам и буду бороться до конца.

Я ударил кулаком по столу. Да, это был детский кулак маленького мальчика, но я сказал:

– Мне наплевать на образование. Меня волнует свобода. Никто не смеет меня мучить. Покажите мне правила поведения в школе. Я еще не умею читать. Где тут написано, что

ученик не имеет права смотреть в окно, даже если правильно отвечает на все вопросы?

– Если ты ответил на все вопросы верно, то, естественно, не имеет значения, куда ты смотрел, – согласился директор.

Тогда я сказал:

– Пойдемте со мной.

Директор всегда носил с собой потрепанную книгу со своим школьных правил. Не думаю, правда, что ее вообще кто-нибудь читал. Придя в класс, директор сказал учителю Кантару:

– Вы лучше его не наказывайте, это может аукнуться. Похоже, он не из тех, кто легко сдается.

Но учитель Кантар тоже был не из тех. Если он чего-то боялся, то становился еще более агрессивным и жестоким.

– Не беспокойтесь, я ему покажу, – процедил он сквозь зубы, – кому нужны эти правила. Я всю жизнь проработал в школе, а этот сопляк еще смеет меня учить!?

– Завтра в этом здании будете либо вы, либо я, – предупредил я его. – Вместе нам здесь делать нечего. Так что подождем до завтра.

Я побежал домой и рассказал все отцу.

– Так я и думал, – со вздохом сказал отец. – Ты не только сам в беду попадешь, но и других за собой потянешь, и меня заодно.

– Нет, – сказал я. – Я рассказываю тебе лишь для того, чтобы потом, когда тебя спросят, ты не говорил бы, что ни-

чего не знал.

Я отправился к комиссару полиции. Он оказался добродушным парнем. Я и не думал, что полицейские могут быть таким приветливыми. Он сказал мне:

– Знаю я этого учителя. Он и моего сына наказывал. Просто никто на него не жаловался. Жестокое обращение с детьми противозаконно, но пока нет жалобы, ничего нельзя сделать. Я тоже не подавал иск... боялся, что он оставит сына на второй год. Всего несколько месяцев оставалось до средней школы, вот я и решил не связываться.

– Тогда я подаю официальную жалобу, – сказал я. – Мне все равно, переведут меня дальше или нет. Я готов учиться в одном классе хоть всю жизнь.

Он взглянул на меня, похлопал по плечу и сказал:

– Здорово, что ты такой смелый. Завтра я пойду с тобой.

Я тут же помчался к председателю городской управы, который оказался просто тряпкой.

– Знаю, – сказал он. – Но ничего не могу сделать. Придется терпеть. Рано или поздно все привыкают.

Тогда я сказал... я помню каждое слово:

– Я не собираюсь терпеть то, что противоречит моим внутренним убеждениям.

– Раз так, – сказал он, – я ничем не могу тебе помочь. Сходи к моему заместителю, может, он тебе чем поможет.

За этот совет я ему до сих пор благодарен, потому что его заместитель по имени Шамбху Дубе оказался единствен-

ным достойным человеком во всем нашем городе. Я постучал в дверь его кабинета. Помните, мне было всего восемь или девять лет, а он был заместителем председателя городской управы.

– Войдите, – услышал я.

Скорее всего, он ожидал увидеть почтенного джентльмена и при виде меня слегка смутился.

Я сказал:

– Простите, что я еще маленький. Больше того, у меня нет никакого образования, но я бы хотел подать жалобу на учителя Кантара.

Он внимательно выслушал мой рассказ о том, как этот человек издевается над первоклассниками, как он вставляет им карандаши между пальцев и потом сильно сжимает ладонь, как он засовывает ученикам иголки под ногти... Заместитель председателя просто не мог в это поверить!

– Я, конечно, слышал некоторые сплетни, – сказал он. – Но почему же никто не жаловался?

– Люди боятся, что он станет издеваться над их детьми еще больше.

– А ты не боишься? – спросил он.

– Нет, – ответил я. – Потому что я готов остаться на второй год. Это все, что он может сделать.

Я сказал, что готов оказаться неуспешным и буду драться до последнего.

– Либо он, либо я – вместе в этой школе нам не бывать.

Шамбху Дубе подозвал меня к себе и взял меня за руку:

– Мне всегда нравились смелые люди, но я никогда не видел столь юных бунтарей. Ты молодец!

Мы подружились, и наша дружба продолжалась до самой его смерти. В нашем городке, по сути деревне... Двадцать тысяч жителей, по индийским меркам это еще деревня. В городе должно жить не меньше ста тысяч человек, и тогда он все еще будет маленьким городишкой. А там, где больше полутора миллионов, – вот это уже большой город. Так вот, в нашей деревне я ни разу не встречал человека, который мог бы сравниться с Шамбху Дубе по талантам и душевным качествам. Кому-то покажется, что я преувеличиваю, но я во всей Индии такого человека больше не видел. Он такой один.

Пока я бродил по всей стране, он терпеливо, месяцами, дожидался, когда я вновь загляну в родной город хотя бы на денек. Он единственный встречал меня на вокзале, когда мой поезд приходил в ту деревню, – конечно, не считая моих отца и матери, они тоже приходили. Но Шамбху Дубе не был моим родственником, он просто меня любил. И эта любовь началась с той самой встречи, в день, когда я решил бороться против учителя Кантара.

Шамбху Дубе был заместителем председателя городской управы, и он сказал:

– Не волнуйся. Этот мерзавец будет наказан. Считай, что он уже уволен. Он подал заявление о продлении срока его деятельности, но мы ему откажем. С завтрашнего дня в шко-

ле его не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.